

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ/NATIONAL HISTORY

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2025.159.14>

ИЗУЧЕНИЕ КРЕСТЬЯНСКОЙ ОБЩИНЫ В НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ ССЫЛЬНЫХ НАРОДНИКОВ

Научная статья

Федорова В.И.^{1,*}

¹ ORCID : 0000-0003-2514-9728;

¹ Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, Красноярск, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (vi-fedorova[at]yandex.ru)

Аннотация

В статье рассматриваются взгляды видных деятелей народнического движения Н.А. Виташевского, Н.Е. Каронина-Петропавловского, К.Р. Качоровского, С.П. Швецова, С.Л. Чудновского на крестьянскую общину в Сибири в общем контексте эволюции идеяных установок и программно-тактических целей народничества на позднем этапе его развития.

Утверждается, что в результате анализа материалов научного обследования общинного землевладения у русских крестьян и коренного населения Сибири народнические исследователи пришли к выводам о сложном переплетении частно-собственнических и коллектivistских начал в крестьянском сознании. Это следовало из практики частных захватов, выявленных ими в сибирской общине. Однако это, по мнению народников, не противоречило главному принципу общинного землепользования, заключавшемуся не в земельных переделах, а в обеспечении равного доступа всех членов общины к земле как главному условию труда. Отсюда они выводили свою теорию трудового права, на котором, по их мнению, покоилось всё народное миросозерцание.

В статье доказывается, что теория трудового права дала научное обоснование для эволюции народнического социализма от отвлеченных «идеалов вселенской правды», к конкретной программе защиты реальных интересов трудовых слоев населения, что нашло отражение в программных установках неонароднических партий.

Ключевые слова: ссыльные народники, крестьянская община, теория трудового права, захватно-займочное право, идеальная эволюция народничества.

STUDY OF PEASANT COMMUNITIES IN THE SCIENTIFIC HERITAGE OF EXILED POPULISTS

Research article

Fedorova V.I.^{1,*}

¹ ORCID : 0000-0003-2514-9728;

¹ Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev, Krasnoyarsk, Russian Federation

* Corresponding author (vi-fedorova[at]yandex.ru)

Abstract

The article examines the views of prominent figures of the populist movement, N.A. Vitashevsky, N.E. Karonin-Petrovavlovsky, K.R. Kachorovsky, S.P. Shvetsov, and S.L. Chudnovsky on the peasant community in Siberia in the general context of the evolution of the ideological attitudes and programmatic and tactical goals of populism in the late stage of its development.

It is argued that, as a result of analysing the materials of a scientific study of communal land ownership among Russian peasants and the indigenous population of Siberia, Populist researchers came to the conclusion that there was a complex intertwining of private ownership and collectivist principles in the peasant consciousness. This followed from the practice of private seizures, which they identified in the Siberian community. However, according to the Populist, this did not contradict the main principle of communal land use, which consisted not in land redistribution, but in ensuring equal access to land for all members of the community as the main condition of labour. From this, they derived their theory of labour law, on which, in their opinion, the entire national worldview was based.

The article substantiates that labour law theory provided a scientific basis for the evolution of populist socialism from abstract 'ideals of universal justice' to a concrete programme for protecting the real interests of the working classes, which was reflected in the policy statements of neo-populist parties.

Keywords: exiled populists, peasant community, labour law theory, usury law, ideological evolution of populism.

Введение

Проблема происхождения и эволюции крестьянской общины являлась ключевой для народничества на всех этапах его развития. На её решении базировались фундаментальные мировоззренческие установки и программно-тактические цели участников движения. Поэтому община всегда находилась в центре поисков народнической мысли. Её изучение породило огромный пласт научной литературы, в которой нашли отражение многообразные аспекты жизнедеятельности общины не только как хозяйственного, социально-культурного феномена, но и как мощного фактора национальной духовности.

Весомый вклад в изучение крестьянской общины внесли ссыльные народники, из среды которых вышло немало известных ученых в области статистики, социологии, истории, этнографии, экономической мысли: Д.А. Клеменц, Н.А. Виташевский, С.Л. Чудновский, С.П. Швецов, Н.Е. Каронин-Петропавловский, К.Р. Качоровский. Оказавшись в Сибири, они стали невольными наблюдателями жизни крестьянства такой, как она была в реальности, а не в

умозрительных конструкциях идеологов народничества 1860-1870-х гг. Для многих из них столкновение с реальным сибирским крестьянином, а не с «шоколадным» мужиком из произведений Н.И. Наумова, Н.Н. Златовратского, П.В. Засодимского и других народнических беллетристов привело к крушению интеллигентских иллюзий о слиянии с народом. Тем не менее избавление от социальных и политических иллюзий в ссылке не поколебало основ демократического мировоззрения у подавляющей части народнической интеллигенции. С этой точки зрения, изучение эволюции взглядов участников движения на общину, явившуюся краеугольным основанием всей народнической доктрины, представляется актуальным для концептуализации социально-политической сущности народнической идеологии, в исследовании которой в последнее время наблюдается активное обновление методологических дискурсов [12].

В научной литературе эта тема рассматривалась не как самостоятельный предмет, а в историографическом контексте. Анализ трудов народнических авторов по проблеме крестьянской общины был дан в работах советских историков М.Б. Шейнфельда, Л.М. Горюшкина и Н.А. Миненко, в которых рассматривалось изучение общих проблем истории Сибири в дореволюционной историографии [2], [19]. В соответствии со спецификой историографического исследования их авторы преимущественно концентрировались на вопросах научной методологии, подчеркивая несостоительность народнической концепции истории. Л.М. Горюшкин категорически заявлял об «антинаучности народнической концепции сибирской общины», на том основании, что народники в отличие от марксистов, отрицали капиталистический характер социально-экономических процессов в Сибири, идеализировали общину, не признавая социального разложения крестьянства [2, С. 164]. М.Б. Шейнфельд говорил о глубоком кризисе народнической теории некапиталистического развития России, которое было опровергнуто самим ходом истории в начале XX в. и привело, по его мнению, к постепенной сдаче народниками демократических позиций и сближению с либерально-буржуазными партиями [19, С. 357]. Эти оценки базировались наочно утвердившемся в советской историографии взгляде на классовую природу народничества, как на мелкобуржуазную идеологию, историческая прогрессивность которой была ограничена рамками капитализма.

В постсоветский период наблюдается переход историков к углубленной проработке научного наследия отдельных народнических авторов. В публикациях последних лет И.А. Якимовой, Л.И. Земцова, А.М. Курышева рассматривается вклад в изучение крестьянской общины К.Р. Качоровского, С.Л. Чудновского, С.П. Швецова [3], [8], [20].

Источниковую базу исследования составили опубликованные научные труды ссыльных народников Н.А. Виташевского, Н.Е. Каронина-Петропавловского, К.Р. Качоровского, С.Л. Чудновского С.П. Швецова.

Основные результаты

В ссылке, несмотря на жесткий полицейский надзор, ограничения в передвижении, запреты на профессиональную и общественную деятельность, возникали своеобразные «окна», позволявшие политическим изгнанникам реализовать свои творческие способности. Это было связано с тем, что местные власти ощущали сильный голод в интеллигентных кадрах для организации научного изучения сибирского края, необходимого для его более тесной хозяйственной и культурной интеграции в общероссийское пространство.

Для имперской власти Сибирь всё еще оставалась «*Terra incognita*», до которой у неё не доходили руки. Однако к концу XIX в. по мере того, как в центре страны нарастал аграрный кризис, Сибирь стала привлекать взоры центральной власти своим огромным колонизационным потенциалом, но, чтобы его эффективно использовать, требовалось исследовать его природные, хозяйственныe и людские ресурсы. С этой целью, начиная с 1890-х гг., всё чаще стали инициироваться научные обследования, проведение которых возлагалось на сибирские отделы ИРГО и губернские статистические комитеты. В них, как правило, концентрировались немногочисленные местные интеллигентные силы, среди которых демократические идеи народничества находили определенный резонанс. Так возникла почва для общего понимания задач экономического и социально-культурного развития сибирского края. Многие ссыльные прониклись самыми искренними чувствами к нуждам Сибири, навсегда связав с ней свою личную судьбу, общественную и профессиональную деятельность. А иногда именно из их среды рекрутировались не только сотрудники, но и руководители подобных учреждений. Так по рекомендации Г.Н. Потанина, много лет возглавлявшего ВСОИРГО, в 1892 г. был назначен его преемником на посту правителя дел отдела Д.А. Клеменц, сосланный в Сибирь как один из организаторов хождения в народ и создателей «Земли и воли». В 1886 г. у Клеменца закончился срок ссылки, однако он настолько увлекся научным изучением Сибири, что решил посвятить этому делу свои силы. Потанин характеризовал Клеменца как «человека всецело отдающегося науке и этому учреждению». Именно Клеменц инициировал в 1892 г. проведение масштабного обследования крестьянских хозяйств Иркутской и Енисейской губерний и привлек к этой работе политических ссыльных.

На базе Западно-Сибирского отдела ИРГО изучением сибирского крестьянства занимались С.П. Швецов, С.Л. Чудновский, К.Р. Качоровский, Н.Е. Каронин-Петропавловский. Так С.Л. Чудновский в 1884-1885 гг. по заданию Западно-сибирского ИРГО провел на Алтае подворную опись крестьянских хозяйств с целью выявления имущественной дифференциации крестьянства. Исследование должно было дать ответ на вопрос: разлагается ли община? По материалам исследований С.Л. Чудновским было опубликовано несколько работ, фактическая сторона которых до сих пор продолжает сохранять свою актуальность для исследователей истории сибирского крестьянства.

Большое место крестьянская проблематика занимала в научном творчестве С.П. Швецова. В 1891-1893 гг. он обследовал арендное хозяйство Алтайского горного округа, в 1894 г. — хозяйство алтайских крестьян, коренного населения и переселенцев. В разработанную Швецовым программу исследования входили: волостной бланк, общинный бланк, промысловый бланк, податной бланк и подворная карточка [11]. Наиболее полную информацию о жизни крестьянского населения содержал общинный бланк, в котором содержались сведения об образовании общества, годовом содержании сельских выборных, распределении земли, платежей и повинностей, границах земельных владений общин, роли заемок в развитии общины, описание переделов и способов пользования различными видами угодий, сроки переделов, взгляд крестьян на общинное владение с переделами и на захватное

землевладение, как соотносятся переделы земли с распределением податей и повинностей, круговая порука и случаи ее применения и взгляды крестьян на неё, состояние благотворительности в обществах. Таким образом, цель исследования, ставившаяся С.П. Швецовым, заключалась в том, чтобы выявить роль общины в регулировании землепользованием, организацией хозяйственной и общественной жизни крестьянства с точки зрения перспектив развития самого института общины.

В сибирской ссылке начал свой путь в науку К.Р. Качоровский, опубликовав в 1894 г. свое первое научное исследование «Крестьянское хозяйство и переселение (Итоги размеров и результатов переселенческого движения за истекшее тридцатилетие)». В ссылке он стал собирать материалы анкетирования крестьянских хозяйств, проводившиеся губернскими статистическими комитетами. Подобные материалы, но уже по всей России, были положены в основу его исследования общинного землепользования, продолженного им уже после отъезда из Сибири. Итогом многолетней работы стал его главный труд «Русская община. Возможно ли, желательно ли её сохранение и развитие? (Опыт цифрового и фактического исследования)» (Спб., 1900). В нём были использованы данные земской статистики по 182 уездам, в том числе и по 13 сибирским округам, а также материалы общинного землевладения донских и уральских казаков. Работа охватывала сведения почти по трети поземельных общин страны. За свой труд Качоровский был удостоен премии им. Ю.Ф. Самарина, учрежденной Московским университетом, и премии Петербургского кооперативного института. Исследование привело его к выводу о наличии в стране двух типов общины: основу первого составляли бывшие государственные крестьяне (общины «вольная», «натуральная», основанная на «обычном праве»); во второй тип входили общины бывших помещичьих крестьян. Первый тип общины, по его мнению, был жизнеспособен, а второй постепенно распадался.

Народнических исследователей интересовало прежде всего выявление общего и особенного в землевладении сибирских крестьян с точки зрения генезиса и закономерностей эволюции юридических норм и социальных институтций в крестьянстве. Сибирь в этом отношении давала обильный материал для анализа истоков форм земельной собственности, так как здесь в силу исторической изоляции региона сохранились архаичные формы, как у коренных народов, так и у русского крестьянства, которые представляли большой интерес для научных реконструкций. Народники надеялись, что сибирский материал поможет воссоздать этапы эволюции поземельной общины в центре страны. «Одно из удобств при наблюдении сибирской жизни, — писал Н.Е. Каронин-Петропавловский, — заключается в том, что здесь до самого последнего времени сохранялись следы всей истории и всего пути, по которым шла жизнь общины» [4, С. 65]. Аналогично к задачам исследования сибирской общины подходил С.П. Швецов, рассматривая её как форму, в которой проявилась её хозяйственная и социальная сущность в своем первозданном виде, не искаженном влиянием крепостничества. «Сибирь же, казалось мне, не знавшая никогда помещичьей власти, — писал народник, — представляла особые удобства для наблюдения общины в её чистом виде: влияние помещичьей власти не могло искажать её в прошлом» [19, С. 348].

Расширение ареала исследования, включение в него общинное землевладение государственных крестьян и коренных народов Сибири привело народников к отказу от фундаменталистского толкования исключительности русской общины, как основы исторической самобытности. Анализ сибирского материала показывал, что община не является особенностью только лишь русского крестьянства, и в этом смысле её нельзя рассматривать как уникальное явление и, тем более, как доказательство мессианской роли русского народа. Н.А. Виташевский с беспощадной иронией высмеивал эти «древние народнические иллюзии» как «отрыжку славянофильства». Он не останавливается даже перед критикой А.И. Герцена, являвшегося для народнической молодежи 1870-х гг. корифеем классического народничества. Он укорял его за излишний налёт мессианства, веру в то, что русская община спасет мир и исцелит «гниющий Запад». «Отсюда мы смело делаем вывод, что Герцен чрезмерно преувеличивал значение общины в том ее виде, как она имеется в настоящее время», — писал он [13].

Исследования общины у якутов подвели Виташевского к пониманию её как универсального социального института, возникающего на определенной стадии общественного развития и эволюционирующего под влиянием внешних и внутренних факторов. Изучая нормы обычного права у якутов, он приходит к выводу, что эволюция общинной собственности — это постоянный процесс видоизменения её форм под воздействием роста населения, природно-климатических факторов, уровня хозяйственного развития, социальной активности населения, культурно-исторических традиций. Так в условиях Западной Европы община эволюционировала к частной собственности, в России её развитие пошло иначе [1, С. 155]. Более того, народник приходит к выводу, что в юридическом смысле общинная собственность не противостоит частной, поскольку является ее эмбриональной формой. Но возможна и другая альтернатива, когда общинная собственность будет эволюционировать не в частную, а в новую форму при сохранении коллективной основы, то есть — кооперативную.

Взгляд на общину как на постоянно развивающуюся данность отвечал принципу историзма, заложенному в основу эволюционистской методологии. Это существенно отличало исследовательский подход народников как от славянофилов, абсолютизировавших иррационально-мистические начала, якобы изначально заложенные в общине и неизменно сохраняющие свою сущность. Так и от марксистов, видевших в ней только архаический институт, тормозивший экономический и культурный прогресс в деревне.

В трудах Н. Е. Каронина-Петропавловского и С. Л. Чудновского была воссоздана картина развития общинного землевладения в Сибири от ранней захватно-зимочной формы до возникновения передельной общины. Их исследования доказывали, что в сибирской общине право частного захвата земли не противоречило коллективному распоряжению землей. Народнические авторы приходили к выводу, что переделы, характерные для общины в центральных губерниях страны, вовсе не выражают сущность общины, им предшествовало частно-захватное право, и лишь позднее по мере роста плотности населения и сокращения фонда свободных земель, крестьяне стали переходить к передельной общине. Н.Е. Каронин-Петропавловский утверждал, что на ранних этапах «право первого захвата было единственным регулятором поземельных отношений» [4, С. 66].

Таким образом, народники приходили к выводу, что переделы не являются сущностью общин, а это в корне подрывало господствовавшее в научной литературе мнение об общине как о примитивно коммунистической форме, несовместимой с хозяйственной инициативой. С.П. Швецов писал: «Приурачивать общину к периодическим переделам – значит суживать само понятие общину, вгонять её в не свойственные ей рамки, игнорировать целую область многообразных отношений к земле, которые не могут быть охарактеризованы иначе, как именно общинные» [18, С. 5]. Переделы, переверстки, круговая порука, по мнению С.П. Швецова, являются побочными явлениями, возникающими под давлением внешних обстоятельств.

С.П. Швецов видит в захватном праве «торжество неограниченной вольницы. Он приводит крестьянскую присказку, очень точно выражавшую принцип захватного права: «селись, где хочешь, живи, где знаешь, паши, где лучше, паси, где любче, коси, где густо, лесуй, где пушно». «Здесь не только цельная программа отношения к земле, но и мастерская обрисовка от каждого штриха которой веет своеобразной поэзией необозримой степи и леса, окружающих человека в редко населенной и малокультурной стране», — восхищается народник [18, С. 15].

Вольно-захватное землевладение, по мнению народнических авторов, содержало в себе альтернативу: или развитие пойдет по пути частной собственности на землю, или к коллективному владению землей. В России оно пошло по второму варианту, «не оставив в настоящее время ни малейшей надежды частному землевладению». Пытаясь объяснить причину этого процесса, одни из них указывали на влияние исторических традиций, другие видели их в сохранении крестьянской патриархальной семьи, которая как бы проецировала свою внутреннюю модель на весь крестьянский мир [4, С. 10].

С.Л. Чудновский видел причину перехода к передельной общине в росте населения, под влиянием которого происходило сокращение резерва свободных земель. Однако сами переделы на первых порах, по мнению народника, не противоречили интересам отдельного хозяина, так как их цель заключалась не в перераспределении, а в закреплении земли за крестьянином. При захватном способе раз обработанная земля может перейти к другому хозяину, в случае, если тот забрасывает её и переходит на другую землю. Переделы же закрепляли ранее обработанную землю за ее первым хозяином [15, С. 179]. Это отвечало интересам как богатых, так и бедных, так как последние могли сдавать часть земли, которую они были не в состоянии обработать, в аренду без боязни ее потерять.

Переделы практиковались в самых разнообразных формах, сочетаясь с захватно-займочным землевладением на определенные виды пахотных, выгонных и сенокосных угодий. Их конкретные комбинации определялись условиями местности, плотностью населения, то есть вполне реальными, а не мистическими факторами, якобы присущему коллективистской природе русского крестьянина.

Однако по мере земельного утеснения регулятивные функции общин становятся всё более жесткими. Право захвата ограничивается сроком, который всё чаще сокращается, устанавливаются пределы размеров надела, ограничивается использование наемного труда. И, наконец, «поравнения» в общине достигают такой точки, когда она из института, обеспечивающего равное право всех на землю и труд, превращается, по выражению С.П. Швецова, в «регулятор голодных ртов». Именно в этом он видит кризис общин, то есть в неспособности общин как социального института, выполнять свою главную функцию — обеспечивать право каждого на землю и на труд, а не в социальной дифференциации, росте кулачества и отказе от уравнительных переделов, как это себе представляли марксисты.

Народники никогда не отрицали наличия социальной дифференциации среди крестьянства. Они отмечали, что община не противоречила частной инициативе, а наоборот защищала и даже стимулировала её. Так С.Л. Чудновский и С.П. Швецов в своих исследованиях указывали, что разверстка наделов и раскладка повинностей производилась из производственно-трудовых возможностей каждого крестьянского хозяйства, строгого индивидуального подхода, учитывавшего как физические возможности работника (возраст, здоровье) так и моральную мотивацию к труду. У лентяев и пьяниц надел отнимался и передавался добросовестному хозяину. Поэтому в общине всегда было неравенство и разделение на крепких хозяев и бедняков, и неприятие хозяйственной нерадивости и иждивенчества.

Так, С.П. Швецов утверждал, что хозяйственная самостоятельность сибирского крестьянина развила настолько сильно, что стала «одной из характерных черт его нравственной физиономии». «Будучи общинным, он в то же время старается возможно полно отстаивать свободу личных действий» [16, С. 205]. С.Л. Чудновский вторил ему, доказывая, что община не мешает ведению культурного хозяйства, предполагающего свободную частную инициативу. Он говорит, что дух предпринимательства отличает сибиряка-общинника от российского крестьянина, где община подошла к своей последней черте. Субъективно ему жаль расставаться с традиционно народническими представлениями о мужике-коллективисте и с сожалением он подмечает у сибиряка преобладание частного интереса над альтруизмом, но наряду с ностальгией по «шоколадному мужику» он признает, что «русский крестьянин слишком идеализировался местными исследователями» [15, С. 180].

Корень общинного правосознания русского крестьянства народники усматривали не в каком-то религиозно-мистическом духе, якобы присущим народному миросозерцанию, как это представляли славянофилы, а в объективных обстоятельствах развития крестьянского хозяйства. С одной стороны, это суровые природно-климатические условия, заставлявшие русское крестьянство сохранять коллективистские формы общественного бытия, с другой — фактически безграничные возможности экстенсивного освоения новых земель. Это привело к тому, что в сознании крестьянства укоренилось глубокое убеждение, что общество обязано обеспечить право каждого своего члена на землю. Ведь земля это — жизнь, которая неизменно ассоциировалась в сознании крестьянства с трудом. Эти три компонента — земля, жизнь, труд — образовывали формулу «трудового права», на котором покоилось правосознание русского крестьянства и его идеал социальной справедливости: земля — тем, кто на ней трудится, каждому по труду, кто не работает, тот не ест. Поэтому, отвечая на вопрос, что такая община, С.П. Швецов утверждает, что она является регулятором земельных отношений, который «удовлетворяет основной принцип равенства всех перед землей» как необходимое условие для свободного труда» [18], [19].

В духе теории трудового права подходил к пониманию сущности общинного землевладения К.Р. Качоровский. В своих капитальных трудах «Русская община. Возможно ли, желательно ли ее сохранение и развитие?» (1900) и «Народное право» (1906) он утверждает мысль, что крестьянское правосознание базируется на представлении о праве каждого на жизнь, из которого вытекает право добывать себе всё необходимое обработкой любой земли: «право жить слилось с правом обрабатывать землю, «кормиться» от земли, а, следовательно, и владеть землей [5, С. 217].

К.Р. Качоровский выделяет в крестьянском правосознании два аспекта: право на труд и право труда. В соответствии с первым, каждый человек имеет право владеть землей, как на условие труда. В этом плане он даже захватное право связывает с представлениями крестьян о «коллективно-общественном земельном фонде» и видит в самом захвате «корень общинного владения». В соответствии с правом труда каждый имеет право распоряжаться результатами своего труда. Таким образом, исследователь констатирует дуализм крестьянского правосознания, в котором пересекаются как общественное (с точки зрения Качаровского — «социалистическое»), так и индивидуальное представление о собственности.

Это существенно отличает правосознание народа от господствующей в российской империи юстиции, основанной на римском праве частной собственности, которую народник называет «противотрудовым захватом» [7, С. 142]. Качаровский, оставаясь социалистом, считал, что пришла пора дать место труду как основанию государственного права, то есть, он выступал за коренное переустройство, основанное на «синтезе народно-трудовых интересов и идеалов», призываю создать «новую «декларацию прав», декларацию нового народного права». «В этой-то декларации право на жизнь и право на труд должно занять центральное место», — заключал он [7, С. 142].

Итак, община для народников — это не историческийrudимент обреченный на радикальную ампутацию, а институт, имеющий глубокие корни в экономической и социальной жизни страны, потенциал которой еще далеко не исчерпан. «Жизнь многих общин бьет ключом, вызывая наружу энергию, страсти, и это служит лучшим доказательством в прочности ее будущих форм», — утверждал [16, С. 214].

К.Р. Качоровский также видел в общине недооцененный потенциал, который таит в себе большое будущее для организации гражданской жизни многомиллионного крестьянства. «Одна из самых крупных и самых неотложных задач в ... самопознании России — изучение и осмысление русского крестьянского мира. ... Крестьянский мир — частью в сравнительно узком и зачаточном виде сельского общества, как органа управления и самоуправления, а чаще всего также в широком многостороннем развитии его как хозяйственного союза, как земельной общине, — представляет основную ячейку, основной очаг непосредственной, собственной общественной самодеятельности крестьянства [6, С. 440].

Большинство народнических деятелей в начале XX в. выступило против столыпинской ломки общин. Но, защищая общину, они отстаивали уже не общинную собственность как таковую, а, прежде всего, идею равного права каждого на владение землей, как необходимое условие для свободного труда. Именно трудовое право, являвшееся краеугольным основанием правосознания российского крестьянства, рассматривалось народниками как базовый принцип будущего гражданского устройства. Оно представляло уже не как общество, основанное на уравнительном распределении благ, а как общество равных возможностей.

Заключение

Итак, на позднем этапе развития народничества научная разработка историко-крестьянской проблематики сохранила свою актуальность как в теоретическом, так и в прикладном аспекте, поскольку была связана с реформаторскими проектами решения аграрного вопроса в России в начале XX в., острота которого привела к революционным потрясениям в стране. Стремление разрешить все важнейшие вопросы для народа и посредством народа, быть ближе к нему, понимать его насущные нужды, жизненные и духовные потребности определяло исходные методологические установки и принципы исследовательской деятельности народнических авторов и проявлялось в тесной увязке научной проблематики с практическими задачами социального реформаторства. Это заметно отличало их научный почерк от узкого академизма. В последовательной защите интересов трудового населения, глубокой убежденности, что прогресс в экономике возможен только при обеспечении подъема крестьянского хозяйства проявилась устойчивость демократической сущности народнического мировоззрения.

Пристальное изучение основ крестьянского быта народническими исследователями в сибирской ссылке посредством современных методов статического и социологического анализа, привлечения этнографического материала, характеризующего коренные народы Сибири, значительно раздвинули рамки методологии и обогатили конкретно-фактическую базу исследования. Это не согласовывается с мнением, бытовавшим в советской историографии о кризисе общинной теории народничества. Научный прогноз народников относительно судьбы крестьянской общине в это время основывается уже не на априорных конструкциях и литературных мифах раннего народничества, а на наблюдениях за реальной крестьянской жизнью. И не только из окна научного кабинета, некоторые из них в ссылке оказались в самой гуще народной жизни, живя бок о бок с крестьянами, сами пробуя заниматься «хлебным трудом». Эти наблюдения подводили их к выводу о дуализме крестьянского правосознания, сложном переплетении в нем коллективно-общественных и частно-хозяйственных интересов. Но, несмотря на это, их выводы о перспективах в общине, как основы не только хозяйственного, но и будущего уклада гражданской жизни России, были полны оптимизма и связаны с некапиталистической альтернативой. Более того, некоторые из них считали, что этот путь открыт не только для России. Перспективы прогресса в сельском хозяйстве на глобальном уровне К.Р. Качоровский связывал только с коллективными формами хозяйствования, имея в виду широкое распространение кооперации в Европе и США.

В итоге социальный идеал позднего народничества претерпевает сложную эволюцию, развиваясь от отвлеченных «идеалов вселенской правды», социальной и нравственной гармонии, к конкретной программе защиты реальных интересов трудовых слоев населения. Это способствовало трансформации народничества из аморфного

интеллигентского движения, носившего по преимуществу характер нравственной оппозиции власти, в организованную политическую силу, опиравшуюся на определенную социальную базу.

Н. А. Виташевский не без горечи признавал, что «вожделения народа и социализм находятся по отношению друг к другу в антагонизме». И перед социалистом-революционером есть два пути: или добиваться осуществления народных желаний, и в этом случае отказаться от социалистического идеала, или оставаться верным ему, оставив надежду на проведение его в жизнь [13].

Это движение проходило в острой борьбе между сторонниками доктринерских канонов и теми, кто постоянно сверял свой социальный идеал с народными воззрениями. И.И. Майнов вспоминал, какие бурные дебаты в народнической среде вызывали обсуждения программно-теоретических вопросов, в которых шла борьба с «бесплодным доктринерством по буквe писания во имя жизненных интересов страны, с которыми каждый из нас связан как лист со своим деревом» [9, С. 21].

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть представлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Виташевский Н.А. Якутские материалы для разработки вопросов эмбриологии права / Н.А. Виташевский // Труды комиссии по изучению Якутской Автономной Советской Социалистической Республики. — Ленинград: Академия наук СССР, 1929. — Т. IV. — С. 89–212.
2. Горюшкин Л.М. Историография Сибири дооктябрьского периода (конец XVI- начало XX в.) / Л.М. Горюшкин, Н.А. Миненко. — Новосибирск: Наука, 1984. — 314 с.
3. Земцов Л.И. Обычное право великорусского крестьянства в воззрениях К. Р. Качоровского. / Л.И. Земцов, И.А. Шевченко // Научный диалог. — 2019. — № 9. — С. 308–322. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-9-308-322
4. Каронин-Петропавловский Н.Е. Схема истории сибирской общины/Н.Е. Каронин-Петропавловский / Н.Е. Каронин-Петропавловский // Сибирский сборник. — Санкт-Петербург: Типография И. Н. Скороходова, 1886. — Вып. 2. — С. 62–82.
5. Качоровский К.Р. Русская община. Возможно ли, желательно ли её сохранение и развитие?: (Опыт цифрового и фактического исследования) / К.Р. Качоровский. — Санкт-Петербург: Нар. Польза, 1900. — 431 с.
6. Качоровский К.Р. Жизнь деревни. Очерки современного крестьянского мира. / К.Р. Качоровский // Ежемесячный журнал. — 1915. — № 9. — С. 440–450.
7. Качоровский К.Р. Народное право / К.Р. Качоровский. — Москва: Молодая Россия, 1906. — 251 с.
8. Курышев А.М. «Ученый-сибиряк» С.П. Швецов и его научное наследие. / А.М. Курышев // Историко-экономические исследования. — 2011. — № 3. — С. 103–113.
9. Майнов И.И. На закате народовольчества. / И.И. Майнов // Былое. — 1922. — № 18. — С. 135–162.
10. Марусин (Швецов) С.П. Купля-продажа крестьянских земель в Тобольской губернии / С.П. Марусин (Швецов) // Сибирский сборник. — Санкт-Петербург: Тип. И.Н. Скороходова, 1887. — С. 43–54.
11. Материалы по исследованию крестьянского и инородческого хозяйства в Томском округе. — Барнаул: Типолитография при Главном управлении Алтайского округа, 1898. — Т. 2. — Вып. 1. — 138 с.
12. Мокшин Г.Н. Что такое народничество? Материалы дискуссии. / Г.Н. Мокшин // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. — 2020. — № 3. — С. 27–42.
13. Федорова В.И. Вопросы теории и методологии исторического познания в научном наследии Н.А. Виташевского [Электронный ресурс] / В.И. Федорова // Universum: общественные науки. — 2017. — №2. — URL: <http://7universum.com/tu/social/archive/item/4380>. (дата обращения: 01.02.17)
14. Чудновский С.Л. Очерки народного юридического быта Алтайского горного округа. / С.Л. Чудновский // Русское богатство. — 1894. — № 7. — С. 25–70.
15. Чудновский С.Л. Алтайская поземельная община. / С.Л. Чудновский // Северный вестник. — 1888. — № 9. — С. 96–118.
16. Швецов С.П. Формы пользования общинной землей на Алтае / С.П. Швецов // Сборник правоведения и общественных знаний. — Санкт-Петербург: Типография М.М. Стасюлевича, 1894. — Вып. 3. — С. 191–228.
17. Швецов С.П. Формы общинного владения на Алтае / С.П. Швецов // Сборник правоведения и общественных знаний. — Санкт-Петербург: Типография М.М. Стасюлевича, 1893. — Вып. 2. — С. 145–191.
18. Швецов С.П. Крестьянская община. Схема её возникновения и развития / С.П. Швецов. — Санкт-Петербург: Библиотечное дело, 1906. — 28 с.
19. Шейнфельд М.Б. Историография Сибири (конец XIX – начало XX вв.) / М.Б. Шейнфельд. — Красноярск: Красноярский государственный педагогический институт, 1973. — 398 с.
20. Якимова И.А. С.Л. Чудновский о крестьянской общине на Алтае во второй половине XIX в. / И.А. Якимова // Актуальные вопросы истории Сибири: Вторые научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина» (6–7 октября 1999 года). — Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 2000. — С. 109–112.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Vitashevskii N.A. Yakutskie materiali dlya razrabotki voprosov embriologii prava [Yakut materials for the development of issues of embryology of law] / N.A. Vitashevskii // Proceedings of the Commission for the study of the Yakut Autonomous Soviet Socialist Republic. — Leningrad: Akademii nauk SSSR, 1929. — Vol. IV. — P. 89–212. [in Russian]
2. Goryushkin L.M. Istorografiya Sibiri dooktyabr'skogo perioda (konec XVI- nachalo XX v.) [Historiography of Siberia of the pre-October period (late XVI- early XX century)] / L.M. Goryushkin, N.A. Minenko. — Novosibirsk: Nauka, 1984. — 314 p. [in Russian]
3. Zemczov L.I. Oby'chnoe pravo velikorusskogo krest'yanstva v vozzreniyakh K. R. Kachorovskogo [Customary law of the Great Russian peasantry in the views of K. R. Kachorovsky]. / L.I. Zemczov, I.A. Shevchenko // Scientific dialogue. — 2019. — № 9. — P. 308–322. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-9-308-322 [in Russian]
4. Karonin-Petropavlovskii N.E. Skhema istorii sibirskoi obshchini/N.E. Karonin-Petropavlovskii [Scheme of the history of the Siberian community] / N.E. Karonin-Petropavlovskii // Siberian collection. — Saint-Petersburg: Printing house of I.N. Skorokhodov, 1886. — Iss. 2. — P. 62–82. [in Russian]
5. Kachorovskij K.R. Russkaya obshchina. Vozmozhno li, zhelatel'no li eyo soxranenie i razvitiye?: (Opyt cifrovogo i fakticheskogo issledovaniya) [The Russian community. Is it possible and desirable to preserve and develop it?: (Experience in digital and factual research)] / K.R. Kachorovskij. — Saint Petersburg: Nar. Pol'za, 1900. — 431 p. [in Russian]
6. Kachorovskij K.R. Zhizn' derevni. Ocherki sovremennoj krest'yanskogo mira [The life of the village. Essays on the modern peasant world]. / K.R. Kachorovskij // Monthly magazine. — 1915. — № 9. — P. 440–450. [in Russian]
7. Kachorovskij K.R. Narodnoe pravo [Popular law] / K.R. Kachorovskij. — Moscow: Molodaya Rossiya, 1906. — 251 p. [in Russian]
8. Kury'shev A.M. «Uchenyj-sibiryak» S.P. Shveczov i ego nauchnoe nasledie ["Siberian scientist" S.P. Shvetsov and his scientific legacy]. / A.M. Kury'shev // Historical and economic research. — 2011. — № 3. — P. 103–113. [in Russian]
9. Majnov I.I. Na zakate narodovo'l'chestva [On the decline of the People's Will]. / I.I. Majnov // The past. — 1922. — № 18. — P. 135–162. [in Russian]
10. Marusin (Shvetsov) S.P. Kuplyu-prodazha krestyanskikh zemel v Tobolskoi gubernii [Purchase and sale of peasant lands in the Tobolsk province] / S.P. Marusin (Shvetsov) // Siberian collection. — St. Petersburg: Printing house of I.N. Skorokhodov, 1887. — P. 43–54. [in Russian]
11. Materialy po issledovaniyu krest'yanskogo i inorodcheskogo hozyajstva v Tomskom okrufe [Materials on the study of peasant and non-native farming in the Tomsk region]. — Barnaul: Printing and lithography at the Main Directorate of the Altai district, 1898. — Vol. 2. — Iss. 1. — 138 p. [in Russian]
12. Mokshin G.N. Chto takoe narodnichestvo? Materialy' diskussii [What is narodism? Materials of the discussion]. / G.N. Mokshin // Bulletin of the Surgut State Pedagogical University. — 2020. — № 3. — P. 27–42. [in Russian]
13. Fedorova V.I. Voprosy' teorii i metodologii istoricheskogo poznaniya v nauchnom nasledii N.A. Vitashevskogo [Questions of theory and methodology of historical knowledge in the scientific heritage of N.A. Vitashevsky] [Electronic source] / V.I. Fedorova // Universum: social sciences. — 2017. — №2. — URL: <http://7universum.com/ru/social/archive/item/4380>. (accessed: 01.02.17) [in Russian]
14. Chudnovskij S.L. Ocherki narodnogo yuridicheskogo by'ta Altajskogo gornogo okruga [Essays on the national legal life of the Altai mountain district]. / S.L. Chudnovskij // Russian wealth. — 1894. — № 7. — P. 25–70. [in Russian]
15. Chudnovskij S.L. Altajskaya pozemel'naya obshchina [Altai land community]. / S.L. Chudnovskij // Northern Bulletin. — 1888. — № 9. — P. 96–118. [in Russian]
16. Shvetsov S.P. Formi polzovaniya obshchinnoi zemlei na Altae [Forms of using communal land in Altai] / S.P. Shvetsov // Collection of jurisprudence and public knowledge. — St. Petersburg: Printing house of M.M. Stasyulevich, 1894. — Iss. 3. — P. 191–228. [in Russian]
17. Shvetsov S.P. Formi obshchinnogo vladeniya na Altae [Forms of communal ownership in Altai] / S.P. Shvetsov // Collection of jurisprudence and social knowledge. — St. Petersburg: Printing house of M.M. Stasyulevich, 1893. — Iss. 2. — P. 145–191. [in Russian]
18. Shveczov S.P. Krest'yanskaya obshchina. Sxema eyo vozniknoveniya i razvitiya [The peasant community. The scheme of its origin and development] / S.P. Shveczov. — Saint Petersburg: Bibliotechnoe delo, 1906. — 28 p. [in Russian]
19. Sheinfeld M.B. Istorografiya Sibiri (konets XIX – nachalo KhKh vv.) [Historiography of Siberia (late 19th – early 20th centuries)] / M.B. Sheinfeld. — Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical Institute, 1973. — 398 p. [in Russian]
20. Yakimova I.A. S.L. Chudnovskii o krestyanskoi obshchine na Altae vo vtoroi polovine XIX v. [S.L. Chudnovsky on the peasant community in Altai in the second half of the 19th century] / I.A. Yakimova // Topical issues of the history of Siberia: The Second scientific readings in memory of Professor A.P. Borodavkin" (October 6–7, 1999). — Barnaul: Publishing House of Altai State University, 2000. — P. 109–112. [in Russian]